

Бесконечная дорога

Алекса́ндре Викторо́вне Потаниной в Большой Советской Энциклопедии посвящено всего несколько строк. Родилась она 25 января 1843 года в селе Глотове Нижегородской губернии, сопровождала мужа, известного путешественника Григория Николаевича Потанина в четырех экспедициях, организованных Русским Географическим обществом: в Северо-Западную Монголию (1876—1877, 1879—1880), в Северный Китай, Восточный Тибет и Центральную Монголию (1884—1886, 1892—1893). В последней из них 19 сентября 1893 года Александра Викторовна умерла и была похоронена в Кяхте... Перелистаем пожелтевшие страницы периодической печати 1893—1895 годов, когда потрясенные ее внезапной смертью друзья и коллеги поведали о скромной русской женщине, незаметно и буднично вершившей свой подвиг. О ней писали критик и историк искусства В. В. Стасов, академик В. А. Обручев, общественный деятель П. П. Семенов-Тянь-Шанский, географ и этнограф Д. Н. Анучин, философ и публицист В. В. Лесевич, писатель-этнограф Н. М. Ядринцев, народоволец И. И. Попов, этнограф А. А. Ивановский... Много добрых слов о жене напишет на исходе своей жизни и сам Г. Н. Потанин.

«...Как же это произошло, как случилось,— вопрошал В. В. Лесевич,— что умная, талантливая, многознающая женщина работает, трудится, пишет, получает медаль Географического общества, а мы ничего не знаем при ее жизни, а узнаем только после

смерти?» И сам себе отвечает: «Основная причина этого явления — беспредельная скромность покойной труженицы... Она уклонялась от известности и с нею заодно в этом отношении были и ее друзья... а после смерти обязательное для друзей молчание превращается в обязательное отдание» долга тому, кто посвятил жизнь науке. Дело в том, писал А. А. Ивановский, что Александра Викторовна родилась в бедной семье сельского священника, воспитывалась дома, грамоте училась у братьев-семинаристов. Позднее она поступила надзирательницей в епархиальное училище. До тридцати лет однообразно и тихо в училище и дома за рукоделием шла ее жизнь. Она была застенчивой, замкнутой, но в ней постоянно жила беспокойная мысль, неопределенное стремление к иной жизни и знаниям и неудовлетворенность окружающим. «Но исходя своим стремлениям она не видела и уже начала утрачивать надежду на возможность какой бы то ни было перемены, как в 1873 году судьба свела ее с нашим знаменитым путешественником Григорием Николаевичем Потаниным. Встреча их произошла при совершенно исключительных обстоятельствах. Г. Н. Потанин, против своей воли, жил тогда в городе Никольске Вологодской губернии. Товарищем его по судьбе в этом же городе был К. В. Лаврский, брат Александры Викторовны, с которым Потанин весьма сблизился. Александра Викторовна приехала в Никольск посетить брата, познакомилась с

Григорием Николаевичем». Из мемуаров Г. Н. Потанина: «Они прожили в Никольске неделю. Я почти каждый день бывал у них. Иногда мы уходили все четвером за город — пошляться в лесу... Здесь природа так вплотную примыкает к городу, что жить в нем все равно что жить в лесу... можно увидеть и белку, и бурундука; на окраине города мелкою дробью барабанит своим клювом по дереву дятел, а в тихую ночь до города доносятся отдаленные звуки лелека. Нижегородская гостья была в восхищении от этой близости к природе и завидовала мне; я был узник, заточенный в границе города Никольска, но она, по ее словам, была в горших узах: в стенах своего епархиального училища. Ей так понравился воздух Никольска, что однажды она мне сказала, что хотела бы тут остаться навсегда. Очевидно, в девице зародилось сильное сожаление к полному сил узнику, жаждущему света и замурованному в уездном городишке... Несмотря на такие душевные разоблачения, мы расстались, не решившись предложить друг другу завести переписку. Но мне пришлось писать ей в Нижний. Я задумал вести метеорологические наблюдения, добыл из Петербурга инструменты и строил будку. Дело оставалось за часами: у меня не было часов. Я спросил у Лаврского — могу ли я затруднить его сестру просьбой купить часы в Нижнем и выслать в Никольск. Он сказал, что она сделает это с удовольствием. И вот у меня завязалась переписка с Нижним... Постепенно она из деловой пе-

реписки превратилась в интимную и закончилась тем, что я ступил «на коварную наклонную плоскость».

О своих чувствах Григорий Николаевич рассказывал в письмах другу Н. М. Ядринцеву. Позднее тот напишет: «Скоро я увидел из писем, как отразилось на этом серьезном, замкнутом человеке знакомство с Александрой Викторовной, какие потоки света хлынули на него, какими цветами радуги заиграло его воображение, какое идеальное настроение сказало в его душе, какой полет получила мысль, сколько явилось новых планов, какой энергией дышала эта сильная натура, недавно еще изнемогавшая и унывавшая под влиянием жизненных невзгод». Вскоре в Петербурге состоялась и личная встреча Николая Михайловича Ядринцева с Александрой Викторовной: «Это была скромная, застенчивая женщина, высокая сухощавая блондинка с подстриженными волосами и тонким певучим голосом. Она одевалась очень скромно и просто, и лицо ее носило печать серьезной интеллигентной женщины. В обществе она была молчалива, но отличалась тонкой наблюдательностью, — качество, оказавшееся впоследствии весьма ценным для путешественницы. Ее мнения и суждения были сдержаны, но метки и отличались тонким остроумием. Она делала весьма удачно характеристики и определяла людей сразу. Александра Викторовна не сузила его интересы, не погрузила его в мелочи семейной жизни. Она разделяла все планы и стремления Григория Николаевича и участвовала в его духовной жизни».

«Жизнь ее совершенно изменилась, — продолжал в своих записках А. А. Ивановский, — ее твердый, ясный ум нашел себе руководителя, энергия возрастала с каждым шагом вперед, ее душевные и нравственные силы развились во всей их полноте. Она прилагала все усилия пополнить пробелы своего образования,

изучала английский и французский языки, занималась переводами, и впоследствии каждый, встречавшийся с ней, поражался ее ясным, светлым умом и обширностью сведений».

Поразила Александра Викторовна с первой же встречи и В. В. Стасова. В Петербурге 8 марта 1895 года на вечере ее памяти Владимир Васильевич подробно расскажет о десятилетней дружбе с этой чудесной женщиной.

«...Впечатление, произведенное на меня А. В., было совершенно особенное. Она не была красива, но в ней было что-то такое, необыкновенно-притягательное для меня. В ее лице была какая-то страдальческая черта, которая делала мне ее необыкновенно симпатичною; хотя мне вовсе не было известно, ни тогда, ни теперь, были ли у ней в самом деле страдания в жизни... У нее был взгляд такой, какой бывает у людей, много думающих, много читавших, много видевших и проводящих свою жизнь в том, что много видят, много читают и много думают. Иногда этот взгляд казался рассеянным и потерянным, но все-таки необыкновенно сосредоточенным и углубленным...»

Владимир Васильевич Стасов просил Александру Викторовну не оставлять занятий рисованием в путешествиях, предвещая новые открытия в истории искусства и культуры Востока. Проводив ее в очередную экспедицию, он через год прочитал в газете «Русские ведомости»: «В глуши Китая, среди диких гор и пустынных степей неизведанных стран Центральной Азии, там, где еще не ступала нога европейца, преждевременная смерть, в самый разгар многообещающих науке исследований, прекратила плодотворную деятельность нашей известной путешественницы Александры Викторовны Потаниной».

В некрологе, подписанном Н. М. Ядринцевым, указывалось, какие громадные трудности приходилось преодоле-

вать ей, как женщине, в пути: «Те люди, которые увлекаются романтической стороною путешествий и судят о них по Майн Риду и Жюлю Верну, не имеют понятия о том, что ожидает путешественников в пустынях и гостеприимных странах... Нужно примириться с походной палаткой или с грязной юртой... с жестким ложем из войлока... путешественник должен привыкнуть качаться целые дни на верблюде или ехать медленно верхом под палящим солнцем... когда прислуга, поужинав, отдыхает, должен еще работать, ведя записи, дневники, делая метеорологические наблюдения, классифицируя коллекции и т. п. В одном из путешествий... у них вышли хлеб и сухари, и они питались крупкою из нор полевых мышей. В одной экспедиции... китайская чернь сделала нападение, сбила их с лошадей, отняла оружие и арестовала их. Нужно было много терпения и выдержки, чтобы переносить все это спокойно и настойчиво пробивать себе далее дорогу».

Выдержки и терпения у хрупкой на вид Александры Потаниной было достаточно.

Г. Н. Потанин в мемуарах отмечает, что «она оказывала услуги экспедиции своей практичностью», но еще более велики были ее услуги, когда дело касалось нравственных вопросов. «Я, занятый растениями и жуками, часто из-за них не видел людей, она же, путешествуя рядом со мной, как будто вглядывалась в людскую жизнь; чутко следила она за собой, чтобы не оскорбить в ком-нибудь человеческого достоинства...» Именно это обстоятельство, по мнению многих соратников Потаниных, позволило им привезти богатейший этнографический материал и, близко общаясь с туземцами, даже с буйными тангутами и фанатиками-тибетцами, познать их общественные и семейные отношения, религиозные обряды, записать легенды и сказания.

Жизнь и путешествия А. В.

Потаниной мы знаем в основном по воспоминаниям ее друзей. Тем дорого для нас одно ее опубликованное письмо к родным, где, описывая трудную дорогу: «можете себе представить, когда по одну сторону тропинки глубокая пропасть, а сверху скала... тогда носильщики идут как-то боком, и носилки повисают уже не над тропкой, а над обрывом», она объясняет, почему, несмотря на все превратности пути, она получает удовольствие и радость от странствований. В год смерти, уже больная, в Фомин понедельник она пишет родным: «Пасху встретили в горах, дорога все была трудная, зато... виды, местность были самые праздничные, пасхальные... Я взяла с собой в носилки Евангелие, но потом оставила его. Думаю: книжка, писанная руками, всегда будет со мной, а эта великая Слава Божия, которую я могу теперь созерцать глазами, не всегда бывает со мной, и потому я всю дорогу предпочитала только глядеть на те картины,

которые открывались передо мною, картина за картиною и одна прелестнее другой... Местами картины природы походили бы на рай (если бы не вид тяжелой работы носильщиков), особенно теперь, когда все деревья в цвету... померанцевые... грушевые... персики... и каждое-то деревцо все для нас — северян — новость».

Скончалась она в последней экспедиции между китайскими городами Бао-ин-фу и Чун-цин-фу. Два месяца по пустынным местам Китая и Монголии везли гроб с телом Александры Потаниной до ближайшего русского города. В Кяхте, пограничном российском городе, 23 января 1894 года ее прах был предан земле. В ученых обществах Петербурга, Москвы, Тобольска, Иркутска, Томска и других городах прошли траурные заседания, в храмах были отслужены панихиды. В Иркутске на общественные средства было выстроено каменное здание для бесплатной библиотеки и читальни имени Пота-

ниной. На фризе иркутского музейного здания в ряду двадцати двух имен ученых-путешественников, прославившихся открытиями в Сибири и Азии, было выбито имя Александры Викторовны. Ее именем Русское Географическое общество назвало ледник в горном узле Табын-Богдо-Ола на Алтае.

* * *

Завершая рассказ о верных спутниках наших первопроходцев, повторим слова, сказанные в адрес Потаниной В. В. Стасовым: «Женщина пробивает себе дорогу к интеллектуальной деятельности... У нас уже начинается «легион почетных женщин»... В нем, однако, из первых, первоначальных будет... считаться та, чей портрет, среди крепов и пальм, стоит теперь вот перед вами всеми. Позвольте же мне предложить вам, господа, провозгласить этой нашей дорогой женщине: слава, слава, слава!» Ее заслужили они все...

